

Г. В. Федюнева (*Сыктывкар*)

**Местоимение как микросистема частей речи:
На примере коми языка**

Общеизвестно, что местоимение как часть речи выделяется в грамматической структуре любого языка своим особым статусом. Однако, в отношении того, каков именно этот статус, имеется множество противоположных мнений. По традиции, местоимение рассматривается наравне с другими частями речи как лексико-грамматический разряд слов, отличающийся от других разрядов своим специфическим лексическим значением и функциональной нагрузкой. Вместе с тем, во всех исследованиях по местоимениям отмечается внутренняя лексико-семантическая целостность этого разряда и его “грамматическая экстерриториальность” [Виноградов 1938: 150]. Кроме того, в разных языках статус и границы местоимения в значительной степени различаются в зависимости от его строения и типологии, а также традиций лингвистической интерпретации. Поэтому, несмотря на множество исследований в этой области, идентификация местоимения и установление его границ как части речи остаются весьма проблематичными. Взгляды исследователей на место местоимения в системе частей речи, имеющие место в научной литературе, можно свести к нескольким основным концептуальным установкам, а именно:

1) местоимение является одной из знаменательных частей речи, включающей в себя разряды слов, соотносимых с именами существительными, прилагательными и числительными по признаку их замещения/указания и выступающих в предложении “вместо имен”. Эта точка зрения представлена практически во всех учебных грамматиках, начиная с самых ранних;

2) местоимение является знаменательной частью речи, но границы его шире, чем просто “замещение имен”. В любом языке имеются слова заместительно-указательной семантики, соотносимые как с именами, так и с глаголами, наречиями, со служебными словами и категорией состояния (см. об этом: [Майтинская 1969: 30–34]);

3) специфическим грамматическим статусом обладают только местоимения предметной соотнесенности (указывающие на лица и предметы), поскольку они резко выделяются из системы других частей речи, а также других групп местоименно-указательных слов как в грамматическом плане, так и специфической семантикой (отличной от собственно указательности и заместительности). Другие разряды дейктических слов функционируют в пределах основных знаменательных частей речи, растворяясь в них, сливаясь с ними в своих основных признаках ([Виноградов 1938: 146; 1947: 326; РГ: 456] и др.);

4) местоимения не являются знаменательной частью речи, поскольку не имеют самостоятельного грамматического статуса, а выполняют вспомогательную функцию указания и текстообразования, сближаясь с группой служебных слов [Блох 1986: 75 и др.];

5) местоимение не имеет ни лексической, ни грамматической целостности, поэтому может быть выделено не как часть речи, а как некое “поле местоименности”, в которое включаются не только собственно местоимения, местоименные наречия, “место-глаголия”, но и служебные указательные слова, различного рода прономинативы, числительные, прономинализированные существительные и др. Все они объединяются общей семантикой указательности, которая в отличие от постоянной номинативной семантики, характеризуется полной зависимостью от речевой ситуации. Указательные слова всегда выражают понятие в зависимости от того, кто говорит, где он находится, что конкретно имеет в виду, например, слова *свойство, признак, действие, я, тот, здесь, туда, далеко, один человек, мало, вдвоем, что делать, вещь*

и т. д. наполняются конкретным значением в конкретном контексте, причем всегда разным.

Грамматический статус коми местоимений также остается весьма неопределенным, поскольку до сих пор отсутствуют более или менее крупные работы, посвященные всестороннему анализу местоименности как языкового явления. Коми местоимение традиционно рассматривается в рамках наиболее распространенной концепции, изложенной в п. 1. Однако это понимание ни в коей мере не отражает действительного положения местоимения в системе языка.

Коми местоимения имеют в своем составе грамматически разнородные группы слов, объединение которых в самостоятельную часть речи не удовлетворяет тем принципам, которые положены в основу выделения “основных” частей речи (см. об этом: [Федюнева 1990: 5–10]). Однако, независимо от их грамматических свойств, местоимения объединяются в нашем сознании по общности семантики, достаточно сложной и трудно поддающейся описанию. О “неуловимости” местоименного значения говорит тот факт, что в работах грамматистов до сих пор остается нерешенным вопрос, имеет ли местоимение свое собственное лексическое значение или выражаемые им значения относятся исключительно к области грамматической семантики. В связи с этим делаются попытки представить семантическую структуру местоимений многослойной, многоуровневой [PM: 5], содержащей базисные и надстроечные категории [PM: 26], категориальные значения и их модификации [PM: 19] и т. д. Такие попытки имеют место и в работах по коми местоимениям [Федюнева 2001]. В целом же, лингвисты сходятся во мнении, что объединить местоимения в один разряд позволяют прежде всего их семантические свойства, природа которых недостаточно ясна.

Кроме специфичности семантики, местоименные слова объединяются в сознании носителей языка в некий разряд и по ряду других, впрочем, также недостаточно определенных, признаков. Прежде всего, их отличает от других слов “нетипичная”, нестандартная морфемная структура, наличие специфических корневых морфем, суффиксов и постфиксов. Для коми языка с его ярко выраженной агглютинативностью это проявляется в различного рода корневых чередованиях, вроде *ач-/ас-/асл-/ась* ‘сам’, *ме-/мен-’я*, *сы-/сйй-/сййö* ‘он, она, оно, тот’, *та-/тан-/там-/таты-* ‘тут’ и т. д., которые почти совсем не встречаются в разрядах назывных

слов, а также в ярко выраженной вариативности грамматических форм (см. об этом: [Федюнева 2000]). В структуре коми местоимений обнаруживаются специфические форманты, представляющие возможность не типовой, а индивидуально-контекстной реализации местоимений, ср. *кодкӧ* 'кто-то', *мыйкӧ* 'что-то', *кодлысьюрӧ* 'кое-кому', *коркӧ* 'кое-когда', *кӧнкӧ* 'где-то, кое-где', *кӧнисюрӧ* 'кое-где'. Неслучайно, в грамматиках местоимения представлены не единым разрядом, а как список разных по структуре слов.

Другой особенностью разряда местоимения является его замкнутость, высокая стабильность и отсутствие продуктивных способов словопроизводства. Местоимение как бы формирует само себя, т. е. строится из уже имеющихся элементов по своим внутренним законам. Словоизменение местоимений, хотя и осуществляется по категориям знаменательных частей речи, все же имеет ярко выраженные особенности как в образовании специфических форм (ср., например, формы генитива *менам*, *аслам* 'у меня, мой' и *батыӧн* 'отца, у отца (есть)'; аблатива *тэньсьыд*, *асьсьыд* 'у тебя, у себя' и *батыдыдлысь* 'у твоего отца (взять)' и т. д.), так и в их функционально-дистрибутивном использовании. К сожалению, синтаксис коми местоимений никогда еще не подвергался исследованию, хотя даже при первом приближении становится очевидным, что сочетаемостные свойства местоимений также отличаются от синтаксиса замещаемых ими основных частей речи. Например, особенности квантификации в разряде местоимений непосредственно отражаются на вариативности в согласовании сказуемого с подлежащим в числе, ср. *Войшӧр кад нин, гӧгӧр быдӧн узьӧ* (В. Лыткин). 'Полночь уже, кругом все спят, букв. каждый спит', *Сиктын быдӧн вӧли тӧдӧны и нимтӧны сӧйӧс Мича Настаӧн* (И. Торопов). 'В селе все знали ее и звали Красивой Настей, букв. каждый знали и звали'.

Исходя из изложенного, очевидно, что по всем своим семантическим и грамматическим характеристикам местоимения должны быть выделены из числа других слов и объединены в относительно самостоятельную систему наравне с системой назывных и вспомогательных частей речи. Взгляд на местоимение как микросистему частей речи имеет много сторонников среди лингвистов. Например, еще М. И. Стеблин-Каменский писал, что вследствие особой специфичности местоимения, его можно было бы выделить в особую (одну из основных) группу слов, наряду с ко-

торой две другие основные группы слов составляли бы знаменательные и служебные слова [Стеблин-Каменский 1957: 82–83]. Наиболее определенно эта точка зрения была высказана в русистике 70–90-х гг. [Маслов 1975: 218; 1981: 166; Гард 1985: 215 и др.].

При таком подходе становятся более четкими границы местоимений, которые соотносятся в семантическом, грамматическом и функциональном планах со всеми знаменательными и служебными частями речи, как бы формируя их разряды. Кроме традиционно выделяемых групп субстантивных (*ме* 'я', *тэ* 'ты', *ті* 'вы', *коді* 'кто', *мый* 'что', *кодкө* 'кто-то', *сійö* 'тот' и др.), адъективных (*кутишöм* 'какой', *татишöм* 'такой', *быдсяма* 'всякий' и др.), квантитативных (*мыйта* 'сколько', *сымда* 'столько' и др.) местоимений, не вызывает сомнения обоснованность выделения группы адвербиальных местоимений, функционально соотносимых с наречиями (*кыдз* 'как', *сідз* 'так', *кор* 'когда', *кытчö* 'куда', *татчö* 'сюда', *тани* 'здесь' и т. д.). Вопрос о выделении большой и очень значимой для внутренней организации языка группы наречных местоимений в пермистике оставался дискуссионным, однако в рамках изложенной концепции он решается достаточно однозначно (см. об этом: [Федюнева 2000а]). Аналогично может быть решен вопрос о соотношенности местоимения с глаголом, который довольно давно и почти безрезультатно обсуждается в научной литературе. На наш взгляд, имеются достаточные основания для включения в систему местоименного дейксиса аналитических глаголов *вöчны* и *керны* 'делать/сделать', которые, очевидно, существуют не как простой вопрос к любому глаголу, а как аккумулятор и систематизатор множества конкретно-процессуальных значений, ситуативно наполняемых конкретным контекстом: *мый вöчны*, *керны*: *узыны*, *лыдддысьны*, *нюмъявны* и т. д. 'что делать: спать, читать, улыбаться и т. д.' Грамматическое словоизменение коми глаголов, соответственно, строится по парадигме изменения этих "местоглаголий": *мый вöча*: *узя*, *лыдддыся*, *нюмъяла* 'что делаю: сплю, читаю, улыбаюсь и т. д.', *мый вöчи*: *узи*, *лыдддыси*, *нюмъялі* и т. д. 'что делал: спал, читал, улыбался' и т. д. Соотносительность местоимений со служебными частями речи проявляется в непосредственном использовании местоимений в функции союзов и союзных слов (*кыдз*, *кыдзи* 'как', *мыйöн* 'чем', *мый* 'что', *сідзи* 'так', *кор* 'когда', *мыйла* 'почему', *сы вöсна мый* 'потому что', *коді* 'который', *кодлöн* 'у которго', *кутишöм* 'какой' и т. д.), частиц (*со тидз* 'вот так', *кыдз абу яндзим?* 'как

не стыдно?', *кутиём бур* 'как хорошо!', *тэ мый?* 'ты что?'), а также модальных слов. В этой сфере наблюдается полный синкретизм местоимений и служебных слов. Последние в подавляющем своем большинстве возникли довольно поздно из местоимений, семантика которых специально предназначена для выражения не только абстрактных значений, но и общих связей и отношений.

Непосредственная соотнесенность местоимений со всеми другими частями речи выражается и в том, что в разных языках эти связи могут проявляться по-разному. Например, в русском языке довольно четко прослеживается разряд местоименных слов, соотносимых с категорией состояния: *тебе хорошо? — ничего. Так себе. А мне каково? Чувствую себя никак! Все тебе не так! Не тут-то было! Погода — хуже некуда. Погода сегодня — самое то!* и т. д. В коми языке эта группа не прослеживается, поскольку разряд безлично-предикативных слов в коми языке недостаточно оформлен; обычно в этой функции выступают полноценные прилагательные и наречия.

Признавая относительную самостоятельность системы местоимений, во многих работах авторы подчеркивают ее вторичность как отражение основной системы частей речи. Однако, благодаря последним исследованиям в области морфологической семантики (Шведова, Белоусова и др.) взгляд на местоимение в значительной степени изменился. Местоимение действительно представляет собой относительно самостоятельную микросистему языка. Однако она существует не "параллельно с основной и с известными особенностями повторяет первую" [Ермакова 1989: 147], не "дублирует специфическую систему частей речи данного языка" [РМ: 5–13], а является системой, в значительной мере формирующей языковую структуру в целом. Регулятором многих языковых фактов является грамматическая семантика местоимений. Как известно, язык представляет собой знаковую систему, отражающую логические категории человеческого мышления. Соответственно, в языке в качестве организующих начал выступают именно понятийные, или смысловые категории, которые пронизывают все языковые уровни, систематизируя (или актуализируя) многообразие возможностей выражения этих смыслов. Для передачи наиболее общих "установочных" категорий языка и мышления (субъект, действие, состояние, предмет, признак, принадлежность, способ действия, количество, мера, место, время,

цель, причина и др.) существует группа специальных форм, в значительной мере абстрагированных от конкретно-лексических значений. Это местоимения, назначение которых – управлять более конкретными понятиями, выражаемыми “назывными” словами, следовательно, играть роль смыслоорганизующего начала. Оно группирует разряды слов по их основному категориальному значению (предметы, лица, действия, состояния, признаки, количество, мера, место, время и т. д.), в соответствии с чем они распадаются на группы по функциональным признакам и получают соответствующее грамматическое оформление. Не случайно, основные местоимения выступают в роли “учебно-школьных” вопросов ко всем знаменательным частям речи: *кодї?* ‘кто?’, *мый?* ‘что?’, *кутиѳм?* ‘какой?’, *мыїта?* ‘сколько?’, *кыдз?* ‘как?’, *кор?* ‘когда?’, *кытчѳ?* ‘куда?’, *кытысь?* ‘откуда?’, *мый вѳчны?* ‘что делать?’ и т. д. В этой же функции “организаторов грамматики” основных частей речи они выступают во всех грамматических категориях языка, например, падежа: *кодї, мый?* ‘кто, что?’, *кодлѳн, мыїлѳн?* ‘у кого, чего?’, *кодлысь, мыїлысь?* ‘у кого, чего?’, *кодлы, мыїлы?* ‘кому, чему?’, *кодѳс, мый?* ‘кого, что?’, *кодѳн, мыїѳн?* ‘кем, чем?’ и т. д., лица, числа, времени: *мый вѳчи?* ‘что делал (я)?’, *мый вѳчан?* ‘что делаешь?’, *мый вѳчѳны?* ‘что делают?’ и т. д., степеней сравнения и качества: *кутиѳм?* ‘какой?’ – *кутиѳмджык?* ‘больше какой?’, *кыдзи?* ‘как?’ – *кыдзиджык?* ‘как больше?’ и т. д. Исходя из того, с какими глобальными смыслами соотносятся конкретные слова в конкретном речевом потоке, они получают соответствующее грамматическое оформление и группируются в классы (“синтаксические части речи”): с у б с т а н т и в н ы е местоимения (*кодї* ‘кто’, *мый* ‘что’, *сийѳ* ‘он, она, оно, тот, та’, *ставыс* ‘все’, *кодкѳ* ‘кто-то’ и т. д.) управляют существительными, субстантивированными прилагательными, причастиями и числительными, а д ъ е к т и в н ы е местоимения (*кутиѳм* ‘какой’, *татиѳм* ‘такой’, *кутиѳмкѳ* и т. д.) – прилагательными, причастиями, порядковыми числительными, к в а н т и т а т и в н ы е (*кымын* ‘сколько’, *та мында* ‘столько’ и т. д.) – количественными числительными, а д в е р б и а л ь н ы е (*кыдзи* ‘как’, *тадзи* ‘так’, *кор* ‘когда’, *кѳнї* ‘где’ и т. д.) – наречиями и деепричастиями, в е р б а л ь н ы е местоимения (*мый вѳчны*, *керны* ‘что делать/сделать’) – финитными формами глагола и инфинитивами. При этом подходе становится более ясной морфологическая природа гетерогенных частей речи, имеющих смешан-

ные признаки разных частей речи, а также их конкретно-языковое функционирование, которое зачастую не учитывается нормативными грамматиками.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Белоусова А. С. К вопросу о семантической классификации местоименных слов // Филологический сборник (К 100-летию В. В. Виноградова). М., 1995. С. 47–53.

Блох М. Я. Теоретические основы грамматики. М., 1986. 160 с.

Виноградов В. В. Современный русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1938. 590 с.

Виноградов В. В. Русский язык. М.; Л., 1947.

Гард П. Структура русского местоимения // Новое в зарубежной русистике. М., 1985. Вып. XV.

Ермакова О. П. Семантика, грамматика и стилистическая дифференциация местоимений // Грамматические исследования: функционально-стилистический аспект. Суперсегментная фонетика. Морфологическая семантика. М., 1989, с. 147–158.

Майтинская К. Е. Венгерский язык. Т. 1. М., 1955.

Майтинская К. Е. Местоимения в языках разных систем. М., 1969.

Маслов Ю. С. Введение в языкознание. М., 1981.

РГ 1980 – Русская грамматика / Под ред. Н. Ю. Шведовой. Ч. 1. М., 1980. 783 с.

РМ – Русские местоимения: семантика и грамматика: Межвузовский сборник научных трудов. Владимир, 1989.

Стеблин-Каменский М. И. Грамматика норвежского языка, М.; Л., 1957.

Федюнева Г. В. Местоимения и числительные (опыт новой интерпретации в свете создания научной грамматики коми языка). Сыктывкар, 1990. 59 с.

Федюнева Г. В. Коми местоимение: К проблеме формального варьирования в языке. Сыктывкар, 2000. 76 с.

Федюнева Г. В. О статусе так называемых местоименных наречий в коми языке // Коми слово в грамматике и словаре. Сыктывкар, 2000. С. 73–83.

Федюнева Г. В. Морфологическая семантика коми местоимений // Пермистика 8: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками. Сыктывкар, 2001. С. 274–280.

Шведова Н. Д. Местоимение и смысл. М., 1998.

Шведова Н. Д., Белоусова А. С. Система местоимений как исход смыслового строения языка и его смысловых категорий. М., 1995. 122 с.